

УДК 821.134.2-312.9
ББК 84(4Исп)-44
P21

Malenka Ramos
EL QUE SUSURRA

© 2018, Malenka Ramos
© 2018, Penguin Random House Grupo Editorial, S. A.

Translation rights arranged by Sandra Bruna Agencia Literaria, SL
All rights reserved

Художественное оформление *Александры Харитоновой*

Рамос, Маленка.

P21 Тайна дома Морелли / Маленка Рамос ; [перевод с испанского Н. Беленькой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-104921-8

Пенни умерла в три часа ночи. В этот момент старые часы в гостиной дома сестер Морелли остановились. Тьма ступилась, и миссис Оуэнс услышала, как кто-то постучал в ее дверь.

В то время шериф внимательно наблюдал за старой лесопилкой Брайдел-Вейл и видел свет в одном из разбитых стекол.

Неподалеку от него, в недавно снятом коттедже, писатель Джим Аллен спал спокойно, как и все остальные. Вот почему он не видел высокую темную фигуру, которая прошла очень близко к его окну.

Что-то изменилось той ночью в городе Пойнт-Спирит. Что-то, что может помешать спокойному течению их жизни, хотя они об этом еще не знают.

УДК 821.134.2-312.9
ББК 84(4Исп)-44

© Беленькая Н., перевод на русский язык,
2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104921-8

Тот, кто не ведает пролитой крови,
кто не смешивает ненависть и любовь
и возводит храмы радости...

Викториано Кремер

Часть первая

«ПРИВЕТ»

1

Было три часа утра, когда высокие напольные часы в коридоре остановились. В три часа утра маленькая Пенни умирала. Мать в платье из темной тафты и с жемчужным ожерельем на шее вошла в комнату, упала на кровать, ударила кулаком по матрасу и зарыдала. Затем сложила руки на груди и взмолилась Богу, чтобы забрал поскорее и ее тоже.

Элизабет видела, как тетушки пронеслись по коридору и захлопнули дверь в комнату умершей сестры. Слышала отчаянные крики и безутешные рыдания матери, проклинавшей безжалостный рок и всю свою жизнь. Элизабет была не в силах даже пошевелиться. Вцепилась в ночную рубашку, сжала пальцами тонкую хлопковую ткань и уставилась на свои босые ступни, стоявшие на деревянном полу. Пенни больше нет. В три часа утра ее бедная хилая сестренка перестала бороться за жизнь. Позади месяц адского жара, бреда и ночных кошмаров, когда проклятая зараза пожирала ее изнутри, лучшие врачи города тщетно пытались подобрать лекарство, а мать, вне себя от горя, ежедневно ходила в церковь помолиться, чтобы Бог услышал ее и сжалился над несчастной маленькой жизнью, которая могла оборваться в любой момент.

Но Бог не помог сестре той ночью. Не помогал и матери, когда Карлота и Амелия, тетушки Элизабет, оттащивали ее от кровати, а она, хватаясь за изножье, в отчаянии кричала, что хочет еще немного побыть со своей девочкой. Человек из похоронной конторы явился через полча-

са. Тетушки попытались запереть Элизабет в комнате, но она успела увидеть безжизненное тело Пенни на кровати и потерявшую разум мать, которая металась по коридору, цепляясь руками за перила, желая одного: остаться и не покидать свою маленькую мертвую дочь.

Элизабет знала, что сестра умрет. Возможно, она лучше матери была готова к тому, что в конце концов случилось. Но самое страшное было не это. По-настоящему страшно ей стало, когда она увидела мать. Мать, которая всю жизнь была образцом сдержанности и безукоризненных манер, чей ровный голос неизменно успокаивал Элизабет, когда она спрашивала: «Ну что, Пенни лучше?» — а мать отвечала, что Пенни, конечно же, лучше, что ей будет все лучше и лучше и повода для беспокойства нет, девочка обязательно поправится. Сейчас же мать была на грани безумия: цепляясь за перила, она царапала ногтями черешневое дерево, и впервые в жизни Элизабет увидела, как мать рыдает. Это напугало ее так сильно, что у нее сдавило сердце и стало трудно дышать. Ее мать, это воплощенное достоинство, превратилась в клубок спутанных черных локонов, рассыпанных по лицу. Тетушка Карлота потянула мать за руку, и рукав разорвался.

— Он знал! — повторяла она, рыдая. — Знал с того дня, как девочка родилась! Карлота, ты его тоже видела! Ты видела его так же, как и я, — в тот день, возле кровати!

Элизабет понятия не имела, что имеет в виду мать. Одна из тетушек увела ее в комнату. Как раз в этот миг лопнули материны бусы: жемчужины рассыпались по полу, запрыгали по ступеням, закатились во все углы нижнего этажа. Эти бусы были для матери настоящим сокровищем, однако она и не заметила, что они разлетелись по всему дому. Элизабет машинально наблюдала, как суетится тетушка Амелия, загоняя ее в комнату. Наконец дверь за ними хлопнулась так резко, что воздух дрогнул, а сама Элизабет покачнулась, будто вот-вот потеряет сознание.

— О, Элизабет, бедная девочка, — причитала Амелия. Она опустилась на кровать, потянула Элизабет за руку и

усадила рядом с собой. — Ужасно, ужасно! — приговаривала она.

Перед глазами Элизабет все еще стояла мать, и жемчужины скакали по ступенькам.

— Нужно собрать жемчуг, — пробормотала она. — Это мамины любимые бусы. Папин подарок.

— Твоя сестра, — воскликнула тетушка. — Пенни! Ах, боже мой, за что? Ей было всего двенадцать! Двенадцать лет!

Эта ночь длилась целую вечность. Амелия сидела возле Элизабет, пока та не уснула. Зато она не плакала. Не плакала не потому, что ей не было жалко сестру, и не потому, что ее так сильно поразил ужасающий вид матери в платье с порванным рукавом. А просто потому, что не могла. Не могла — и все. С утра дом наполнился людьми. Родственники и друзья, соседи, едва знакомые Элизабет, подходили к телу сестры, молча смахивали слезу и утешали мать, осоловелую от таблеток, которые доктор Фостер заставил ее проглотить несколько часов назад. Она едва держалась, сидя у гроба Пенни. Протягивала руку каждому, кто подходил, а затем белым шелковым платочком вытирала слезы. Она говорила с трудом, глаза смотрели куда-то мимо стульев, предназначенных для посетителей. Она не замечала Элизабет, которая, сидя между двумя тетушками, также принимала соболезнования: одни похлопывали ее по щеке, другие произносили слова сочувствия, третьи лишь робко приветствовали.

— Ты сильная девочка, — шептала Карлота. — Ведешь себя как взрослая. Твоя мама все замечает, радость моя.

— Тетя, а бусы?

— Не беспокойся, мы уже все собрали. Пол Кур, ювелир, починит их, как только все закончится.

* * *

Преподобный Роберт, местный пастор, подошел первым. Наклонился и неловко потрепал Элизабет по щеке. На его добродушной физиономии изобразались участие и

скорбь. Доктор Алан Фостер тоже был там, с матерью и тетушками. Элизабет узнала его издали по черному пальто и цветастому шарфу, который он обычно повязывал, когда холодало. Доктор жил по соседству и, когда стало очевидно, что Пенни больна всерьез и его опыта не хватает, стал утешителем матери, не забывая при этом давать своевременные врачебные советы. Он проверял, как бьется сердце Пенни, измерял давление и температуру, контролировал прием жидкости, чтобы не наступило обезвоживание.

— Как ты, малышка? — спросил Алан, наклонившись к Элизабет. — Не забывай: что бы ни случилось, ты всегда можешь на меня рассчитывать.

— Спасибо, Алан. Я в порядке.

— Вижу, что и преподобный Роберт здесь... — доктор пожал руку пастору и вновь повернулся к Элизабет. — Похоже, собрались все родственники твоего покойного отца и почти все соседи, — добавил он. — Ты должна быть сильной, Элизабет. И помни о том, что я сказал. Обещаешь?

12

Этот человек больше всех напоминал Элизабет отца. По правде сказать, отца она давно бы уже забыла, если бы не портреты в рамочках, красовавшиеся на камине, с которых мать каждое воскресенье заботливо вытирала пыль.

— Обещаю, — растерянно прошептала Элизабет.

— Ты всегда можешь обратиться к нам за помощью, — добавил пастор. — Вдруг тебе станет одиноко и захочется о чем-нибудь поговорить... Все что угодно, Эли.

— Хуже всего было в эти последние дни, — ответила Элизабет дрожащим голосом. Вытерла нос, и глаза ее наполнились слезами. — Мама в ужасном состоянии.

Доктор и пастор понимающие переглянулись. На мгновение Алан коснулся рукой плеча Элизабет.

— Детка, — вмешалась в их разговор Амелия. — Пойди поцелуй маму. Обними ее. Ей тяжело, и ты ей нужна, Элизабет.

Алан поцеловал девочку в лоб, после чего она направилась в другой конец гостиной. Заметив ее приближение, мать подняла глаза, и на лице у нее промелькнула усталая, чуть напряженная улыбка. Элизабет догадывалась, что

мать ее жалеет, что, несмотря на крайнее утомление и таблетки, она понимает, что Элизабет — всего лишь подросток, которому тоже сейчас непросто.

— Мапочка, я люблю тебя.

Она крепко прижалась к матери, та обняла ее и крепко поцеловала в щеку. Мокрые от слез губы матери оставили на коже влажный след.

— Ты его видела? — внезапно спросила мать срывающимся шепотом. — Ты его когда-нибудь видела?

Элизабет нахмурилась и отрицательно покачала головой. Мать схватила ее за руку и притянула к себе.

— Скажи честно, очень тебя прошу.

— Мама, я не понимаю...

— Даю слово, ругать не буду, только скажи правду. — Она промокнула платком глаза и крепко схватила девочку за руку. — Ты его видела? Элизабет, это для меня очень важно.

— Ничего не понимаю. О ком ты говоришь?

Мать так плотно сжала губы, что рот превратился в прямую линию, а лицо сделалось напряженным, страдающим. Когда она страдала, ее красота становилась еще заметнее.

— Того, Кто Шепчет... Ты видела его? Скажи!

Элизабет пришло в голову, что мать сошла с ума. Тетушка Амелия заметила, что сестра дергает племянницу за руку, и заподозрила неладное. Соседи и родственники были далеко и не обращали на них внимания; однако Алан и пастор тоже обернулись, услышав слова, слетевшие с уст Мэри Энн от нестерпимой душевной боли.

— Не понимаю, что ты имеешь в виду. Я никого не видела, — Элизабет едва сдерживала рыдания. — Ты просто плохо себя чувствуешь, мама...

— Пообещай, что обязательно все мне расскажешь, — бормотала мать. — Пообещай, что не будешь его слушаться. Это я во всем виновата! — крикнула она; тетушки спохватились и заспешили в их сторону. — Обещай, что не позволишь ему себя обмануть, как это случилось со мной!

— Алан, — взмолилась Карлота: — Мэри Энн, возьми себя в руки!

Амелия нетерпеливо отстранила Карлоту и наклонилась, чтобы поцеловать и обнять Мэри Энн. Та чуть заметно покачивалась, рыдая навзрыд:

— Это мы, это наша вина. Главное, чтобы она его не встречала. Не дай ему забрать и ее тоже, Амелия. Не дай демону ее обмануть. Теперь Элизабет моя единственная дочь. Единственная!

Этого Элизабет не вынесла: она бросилась вверх по лестнице, спряталась у себя в комнате и заперлась изнутри, чтобы ее никто не трогал. Она прилегла и тут же уснула. По всей вероятности, она проспала много часов подряд, потому что, когда проснулась, было темно. Судя по звукам, доносящимся снизу, посетители еще не разошлись. За окном было слышно, как прибывают и уходят люди, посчитавшие своим долгом выразить соболезнования. Машины останавливались у ворот, возле крыльца толпились соседи. Но садовые ивы взирали на эту суету равнодушно. Их ветки едва заметно трепетали — по крайней мере так казалось Элизабет. Это выглядело странно, потому что траурные платья женщин на лужайке у дома развевал крепкий осенний ветер. Она прикрыла глаза, ей снова хотелось плакать. Качели тихонько покачивались над травой. Элизабет вспомнила, как любила их Пенни.

— Спой, Элизабет! Спой и покачай меня! — звучало в памяти.

— На каменной дороге танцует принцесса. В праздничном платье танцует принцесса. У нее чудесный гребень из мелких жемчужин. На каменной дороге танцует принцесса.

Мир больше не был совершенным, как прежде. Лилии на высоких прямых стеблях, обрамляющие сад, едва виднелись в осенних сумерках. Каждое лето они буйно цвели, горделиво возвышаясь над кустами и африканскими ромашками, позади деревянных качелей и ивы с округлой лиственной кроной. Все изменилось для Элизабет в тот ве-

чер. Куда бы ни устремила она свой взор, воздух сочился печалью.

Да, Пенни умерла. В три часа утра. Когда все только-только начиналось.

2

Кэтрин Вудс была, что называется, профессиональной гадалкой с хорошей репутацией. В свои семьдесят два года эта женщина по-прежнему сохраняла ясный ум, и ее небольшой бизнес функционировал более-менее сносно. Не сказать, чтобы она сказочно разбогатела, раскидывая картишки по просьбе обитателей городка, продавая фигурки святых или талисманы на удачу, однако все это позволяло ей жить комфортно, содержать собственный домик, покупать все самое необходимое и даже оплачивать медицинскую страховку, о чем она беспокоилась всю жизнь.

Кэтрин была ирландкой, более пятидесяти лет прожившей в Новом Свете, как имел обыкновение называть эту страну ее дед. Когда-то она изучала философию и филологию, объездила весь мир, но после смерти мужа осела здесь, в Пойнт-Спирите — спокойном, но не самом захудалом городке, где было достаточно магазинов и симпатичных людей, которые уважительно относились к ее ремеслу и даже прибегали к ее помощи.

Всякий раз, когда позволяли опухающие ноги, она отправлялась в церковь помолиться. Ей нравилось расчесывать волосы гребнем, подаренным матерью еще в детстве. Гребень был инкрустирован перламутром, щетинки были мягкие и не царапали кожу. Представить невозможно более роскошного гребня. По правде сказать, никто больше никогда не преподносил ей таких чудесный подарков. Ее это не слишком расстраивало — так или иначе, теперь Кэтрин уже была старухой; однако она терпеть не могла, когда ее жалели, была независима, решительна, надевала ботинки на шнурках оливкового цвета, лучшее платье и шла себе в церковь маленькими шажками, иногда опираясь на палоч-